

2. Баранов, А. В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования / А. В. Баранов // Вестн. Томск. гос. ун-та. Серия «Право». – 2016. – № 4. – С. 5–14.
3. Беланова, Г. О. Понятие юридической справедливости как основания правоприменительного акта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Г. О. Беланова. – Ставрополь, 2003. – 192 л.
4. Васильев, А. М. Диалектическая связь категорий общей теории права / А. М. Васильев // Совет. государство и право. – 1974. – № 1. – С. 10–18.
5. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под ред. В. А. Кучинского. – 2-е изд. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 479 с.
6. Вопленко, Н. Н. Социалистическая законность и применение права / Н. Н. Вопленко ; под ред. М. И. Байтина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – 184 с.
7. Вопленко, Н. Н. Социальная справедливость и формы ее выражения в праве / Н. Н. Вопленко // Совет. государство и право. – 1979. – № 10. – С. 39–46.
8. Григорьев, А. В. Принципы правоприменительной деятельности органов внутренних дел / А. В. Григорьев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3 апр. 2014 г.) : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 261–262.
9. Дробязко, С. Г. Политическая общесоциальная справедливость в праве как сущностная основа совершенствования правового законодательства / С. Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2001. – Вып. 11. – С. 3–15.
10. Карташов, В. Н. Правоприменительная практика в социалистическом обществе / В. Н. Карташов. – Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1986. – 86 с.
11. Козел, А. А. Справедливость как юридическая и универсальная социально-политическая категория / А. А. Козел // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 76–81.
12. Кузнецова, О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / О. А. Кузнецова ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2007. – 43 с.
13. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства : учебник / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма : Инфра-М, 2010. – 560 с.
14. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 году [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 20 янв. 2015 г., № Р-975/2015 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
15. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. – Минск : БГУ, 2013. – 416 с.
16. Экимов, А. И. Справедливость и социалистическое право / А. И. Экимов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. – 120 с.
17. Явич, Л. С. Сущность права / Л. С. Явич. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. – 207 с.

Дата поступления в редакцию: 21.10.2022

УДК 340.1

*Н. М. Дубрава, преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: nadin.tema@tut.by*

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ И ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Рассмотрены два пути философско-методологического познания права – классический и постклассический. Отмечено, что в рамках классической правовой методологии процесс познания права рассматривается как прямое и непосредственное отражение объективной действительности. Указывается, что в современных подходах к праву субъект права наделяется конструктивным характером относительно правовой реальности. Обосновывается целесообразность выделения двух методологических подходов к анализу правотолковательной деятельности – классического и постклассического. Акцентировано внимание на том, что постклассическая юриспруденция при познании права (соответственно, постклассическая теория толкования права) использует современные философские концепции (юридическая герменевтика, коммуникативная теория права, антропология права, правовая семиотика и т. д.). В качестве наглядного примера кратко описаны современные подходы к толкованию права.

Ключевые слова: толкование, интерпретация, классическая методология, постклассическая методология, реалистическая теория толкования, юридическая герменевтика, правовое мышление, толкование права по объему, конкретизация, структура нормы права, смысловое поле права, антропологическая концепция права, модернизационное коррекционное толкование, волюнтаризм интерпретатора

N. M. Dubrava, Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: nadin.tema@tut.by

MODERN THEORY OF INTERPRETATION OF LAW IN THE CONTEXT OF CLASSICAL AND POSTCLASSICAL METHODOLOGY OF LEGAL SCIENCE

The article reviews two ways of philosophical and methodological learning of law – classical and postclassical. It is noted that within the framework of classical legal methodology, the process of cognition of law is considered as a direct and immediate reflection of objective reality. It is noted that in modern approaches to law, the subject of law is endowed with a constructive character in relation to legal reality. The expediency of distinguishing two methodological approaches to the analysis of law-interpreting activity – classical and post-classical – is grounded. Attention is focused on the fact that while learning law postclassical jurisprudence (respectively, the postclassical theory of interpretation of law) uses modern philosophical concepts (legal hermeneutics, communicative theory of law, anthropology of law, legal semiotics, etc.). As an illustrative example, modern approaches to the interpretation of law are briefly described.

Keywords: interpretation, classical methodology, postclassical methodology, realistic interpretation theory, legal hermeneutics, interpretation of law in terms of volume, concrete definition / particularization, structure of the norm of law, semantic law field, anthropological concept of law, modernizing corrective interpretation, interpreter's voluntarism

В любом правопорядке одним из самых важных вопросов является достижение эффективности правового регулирования общественных отношений. Последняя зависит как от качества правотворческой деятельности, удачности нормативного отражения социальной жизни в правовых предписаниях, так и от процесса правореализации, одним из важнейших компонентов которого выступает интерпретационная деятельность юриста-практика или деятельность по истолкованию правовых предписаний. Прежде чем любая норма права будет реализована, она должна быть соответствующим образом интерпретирована (истолкована). Сам процесс толкования права, несмотря на его кажущуюся простоту с позиции практико-ориентированного мышления, – задача не простая, поскольку в своих исходных основаниях толкование права зависит от философско-методологических представлений о процессах человеческого познания вообще и о познании права в частности.

На современном этапе развития фундаментальной юриспруденции сформировались два пути философско-методологического познания права – классический и постклассический [2, 6, 11]. Классическая юриспруденция основывается на трех типах правопонимания (юснатурализм, позитивизм и социологизм) и присущих им методологических установках, связанных с классической рациональностью и новоевропейским методом рационализма. Постклассическая юриспруденция предлагает при познании права использовать современные философские концепции ввиду тех открытий, которые были сделаны в их рамках (юридическая герменевтика, коммуникативная теория права, антропология права, правовая семиотика и т. д.). Применительно к проблематике толкования права в самом общем виде следует отметить, что в рамках классической правовой методологии процесс познания права рассматривается как прямое и непосредственное отражение объективной действительности, развивающейся независимо от субъекта познания. В современных подходах к праву этот тезис переосмысливается прежде всего в наделянии субъекта права конструктивным характером относительно правовой реальности. На этом основании полагаем, что сегодня целесообразно выделить два самых общих методологических подхода к анализу правотолковательной деятельности – классический и постклассический. При этом отметим, что современный постклассический подход к толкованию права не предполагает абсолютного противопоставления, а тем более отрицания классической юридической традиции толкования права. В его рамках также используются исходные понятия и категории общеправовой теории толкования права, учитывается ее опыт, однако по ряду методологических аспектов формулируются новые выводы теоретического и прикладного характера.

Классическая теория толкования сложилась в эпоху Средневековья в школе постглоссаторов (комментаторов) римского права и занимала доминирующее положение среди зарубежных исследователей права вплоть до середины XX в. Теория толкования права, доминирующая в русскоязычной юриспруденции и используемая на практике, сформировалась практически в завершенном виде в советской юриспруденции второй половины XX в. Характеризуя ее методологические предпосылки, А. Ф. Черданцев отмечает: «Методологическую и теоретическую основу всякого научного познания составляет ленинская теория отражения. Вне этой теории нельзя решить правильно ни одной теоретико-познавательной проблемы науки, в том числе и проблемы толкования норм права» [14, с. 15]. Истоковать норму права в рамках классической теории толкования, отмечает А. И. Овчинников, значит для субъекта толкования объективно установить «волю законодателя», исчерпывающим образом выраженную в норме права [8, с. 103].

Методологические особенности постклассической теории толкования права, ее характерные черты наиболее полно изложены в одной из обзорных работ известного советского и российского теоретика права В. В. Лазарева [5]. Так, В. В. Лазарев выделяет не два классических этапа развития юриспруденции, указанных выше, а три – этап классической юридической науки (XVII в. – первая половина XIX в.), этап модерна (вторая половина XIX в. – середина XX в.) и этап постмодерна (середина XX в. – настоящее время).

Классическая юридическая наука, по представлению ученого, характеризуется как накопление фундаментальных знаний в сфере общественной и государственной правовой жизни, разработка понятийного аппарата юридической науки, утверждение в качестве методологии исследования рационального и опытного познания, соответственно получение всеобщих, достоверных и доказательных выводов. Классическая юридическая наука «явилась миру под звездой рационализма», – отмечает В.В. Лазарев [5, с. 17]. Соотнося право и закон в данный период развития юридической науки, исследователи уверенно их отождествляют.

Переход к этапу модерна связывается с движением второй половины XX в. за свободное отыскание права: «...старые законы не охватывали новых отношений, законодатель не успевал за стремительным развитием правовых связей. Предлагалось черпать право непосредственно из жизненных ситуаций» [5, с. 17]. Этап модерна характеризуется следующими явлениями: децентрацией науки, иррационалистическими умонастроениями, скептицизмом и агностицизмом, индетерминистскими представлениями, стохастическими (вероятностные, случайные) процессами. Эпоха модерна, или неклассической юридической науки, на смену методологическому монизму приносит методологический и, соответственно, теоретический плюрализм: «важнейшей особенностью понимания объекта познания в неклассической науке является его видение как субъективированного объекта» [5, с. 18].

Модернизационные процессы в сфере права завершаются к середине XX в., начинается этап постклассической юридической науки, который В. В. Лазарев именует «правовая культура постмодерна». Причинами данного процесса является наступление века информационных технологий, смена индустриальной ступени развития цивилизации постиндустриальной, акцент на сфере культуры, процессы планетарной взаимозависимости и взаимообусловленности разных сообществ и государств [5, с. 19]. В качестве основных характеристик юридической науки эпохи постмодерна В. В. Лазарев определяет метапарадигмальность научного познания, креативность исследователя, конструирование мира (мир – это совокупная множественность интерпретаций), единство субъекта и объекта познания, саморефлексию и самокритику исследователя, стохастичность (случайность) жизненных процессов, разветвленность знаний, отсутствие единого концептуального восприятия реалий, диалогизм [5, с. 19–20]. Все эти характеристики позволяют сделать вывод о формировании «синтетического», интегративного понимания права. Характеризуя постмодерн, В. В. Лазарев отмечает, что его методология обогащается способами и приемами юридической герменевтики, феноменологии и структурализма, юридической аксиологии, юридического прагматизма и т. д.

Другой исследователь постклассического правоведения Е. Н. Яркова также отмечает, что «в постмодернизме рождается новое понимание истины как социально и контекстуально сконструированного рассуждения; новое понятие рациональности как открытой, не ограниченной замкнутым набором понятий, перспективистской рациональности; новое понятие правосудия

как творческого правосудия активного общества, которое основывается на переформулировке формальных категорий, их превращении в функциональные категории; наконец появляется новое понятие права как „живого права“. <...> В его рамках складывается новое видение юридической теории – как дискурса, описывающего, интерпретирующего и одновременно реконструирующего мир» [15, с. 254, 256]. Так, использование юридической герменевтики в теории толкования права «проявляет себя не только как искусство выявления смыслов и значений знаков, но и как теория толкования текстов, философское знание об онтологии понимания и эпистемология интерпретации» [5, с. 21].

Проиллюстрируем эволюцию теории толкования права в связи с возникновением постклассических тенденций на примере следующего суждения: «Толкование принято понимать как определенную работу... умственную работу по уяснению норм и практическую работу по их разъяснению. Классика видит неразрывную связь между разъяснением и уяснением, и последнее с точки зрения классики предшествует первому. Вместе с появлением на исторической арене школы свободного права в понимание толкования привносится нечто ему не свойственное – сюда включается работа по созданию того, что создал бы сам законодатель, окажись на месте толкователя. Модерн допустил создание в ходе толкования новых норм (новых правоположений)... Толкование права как деятельность по уяснению и разъяснению норм, которые берутся в основание принимаемых решений в каждом конкретном случае, выступает в постмодернизме объектом исследовательской деятельности, и в таком преломлении о толковании права можно вести речь в метафизических категориях, отражающих и объективные реалии, и личностные и межличностные отношения, и природные и социальные феномены» [5, с. 23–24].

В современной общеправовой теории разработка учения о толковании права на основе постклассической методологии осуществляется в работах А. С. Александрова, М. В. Байтеевой, Ю. А. Гавриловой, В. В. Марчука, А. И. Овчинникова, Е. В. Тимошиной, И. Л. Честнова и др. Среди зарубежных авторов следует назвать К. Коссио, М. Тропера, П. Шлага, представителей школы американского (Б. Кардозо, К. Левеллин, Д. Франк, О. Холмс и др.) и скандинавского (К. Лундштедт, К. Оливекрона, А. Росс, А. Хэгерстрём и др.) правового реализма и др.

Одним из значимых событий для формирования современной теории толкования права явилась разработка французским правоведом М. Тропером теории реалистического толкования права, а также последующая дискуссия по поводу указанной теории между М. Тропером и О. Пферсманном.

М. Тропер предложил преодолеть недостатки объективистской теории толкования права путем модификации позитивистского правопонимания в его приложении к проблеме толкования права на основе теории правового реализма. Концепция М. Тропера сводится к трем основным предпосылкам: 1) толкование права является актом волеизъявления, а не познания; 2) его объектом служат не нормы, а формулировки или факты; 3) субъекты, осуществляющие толкование, наделены специфической властью.

В рамках первой предпосылки М. Тропер отмечает, что «значения, которое могло бы быть сведено к замыслу законодателя, не существует», но и какого-либо объективного значения правовой нормы, независимого от замысла правотворца, также не существует. Ученый полагает, что существует только единственное значение правовой нормы, которое определяется толкованием права: «можно сказать, что до толкования текст не имеет значения, но он находится в ожидании такового» [13, с. 11]. В качестве примера М. Тропер приводит принятие правовой нормы уполномоченным коллегиальным органом, который не может иметь замысла, ибо он не является психическим субъектом [13, с. 9–10].

Путем компиляции первой и второй предпосылок ученый приходит к следующему выводу: «Поскольку толкование – акт волеизъявления, относящийся и к фактам, и к формулировкам, то следует признать, что посредством его осуществляются значительные полномочия... Подлинным является толкование, за которым юридическая система закрепляет значимые последствия, оно не подлежит оспариванию в судебном порядке и в случае толкования текста внедряется в этот текст... Очевидно, что речь идет прежде всего о судебных ведомствах высших инстанций» [13, с. 15].

Таким образом, в реалистической теории толкования М. Тропера признается, что толкователь располагает значительной юридической свободой, которая есть «право субъекта или орга-

на осуществлять управление согласно его собственному волеизъявлению и наделять принимаемые нормы содержанием по собственному выбору» [13, с. 18]. М. Тропер стоит на позиции того, что толкование права – это акт воли, но не акт сознания (познания). Любое толкование, следовательно, имеет субъективный характер, содержание созданной в результате толкования нормы не отражает какого-либо объективного смысла правового текста, а порождает волю толкователя, связанную с выбором одного из возможных значений текста. В этой связи правовая квалификация поведенческого акта есть сугубо прагматический вопрос – юристу нужно выбирать такую трактовку правового текста, с которой согласится суд, а последний должен дать такую квалификацию, т. е. создать такую индивидуальную норму, которая не будет отвергнута вышестоящей инстанцией и будет согласовываться с принятыми в обществе моделями легитимации судебной власти. Нетрудно заметить, что суд в реалистической концепции права М. Топера – не только хранитель права, но и его свободный творец.

Возвращаясь к современным теориям толкования права в постсоветском правоведении, обратимся к работам создателя юридической герменевтики А. И. Овчинникова, являющегося критиком объективистской теории толкования права. Анализируя содержание последней, ученый отмечает, что «творческий характер процесса толкования права выносятся „за скобки“ классической теории толкования, основанной на материалистической теории отражения... Распространение этой теории и признание отечественными теоретиками права – результат марксистско-ленинского „догматического правоведения“, на котором воспитаны целые поколения российских юристов XX века» [8, с. 102]. А. И. Овчинников полагает, что для уяснения сути правотолковательной деятельности следует обратиться к процессу создания правовых норм, которые впоследствии подлежат истолкованию. Рассматривая функционирование правового мышления разработчика нормативного правового акта, очевидно, что его «основной функцией является типизация социальных действий. В процессе типизации социально-правовых явлений и формирования на ее основе юридических понятий и правовых норм происходит искажение социально-правовой действительности... Впоследствии примирение многообразия жизненных случаев с абстрактным и типизирующим характером правовых конструкций происходит в процессе толкования, конкретизации и применения правовых норм, которые представляют собой различные аспекты одного и того же процесса – понимания права» [8, с. 102].

Таким образом, по мнению исследователя, путем создания промежуточной нормы, максимально конкретизирующей общую норму, в процессе применения права происходит интерпретация конкретного казуса и общей нормы, тем самым преодолевается разрыв между ними [8, с. 102]. Результатом толкования является сконструированный смысл нормы в связи с данным случаем и в лучшем случае достигнутая очевидность ее соответствия этому казусу. Именно поэтому толкование права рассматривается А. И. Овчинниковым как необходимый элемент конкретизации правовых норм и одновременно как завершающая стадия правоустановления. «В процессе уяснения смысла правовых норм в контексте конкретного случая, – отмечает исследователь, – происходит незаметное для толкователя соавторство, или конструирование собственного смысла нормы, объединяющего и „волю законодателя“, и „волю закона“ через „волю толкователя“» [8, с. 108].

Современные тенденции в теории толкования находят применение и в отраслевых юридических дисциплинах. Так, применительно к уголовному процессу А. С. Александров разработал методологию судебной интерпретации. Ученый отмечает, что «в любой правовой системе происходит толкование норм права и в любой правовой системе реальное право – это истолкованный судьей текст закона, нормативного акта, судебного прецедента. Восприятие текста невозможно без интерпретации. Право извлекается из „источника права“ путем интерпретации» [1, с. 1]. А. С. Александров поддерживает идею постклассической теории права о том, что текст закона по своим онтологическим свойствам не может выступать в качестве выражения объективной нормативной воли и правового смысла. В процессе судопроизводства в контексте состязания сторон происходит реальное смыслопорождение, что указывает на активную роль суда в воспроизводстве правового смысла [1, с. 2].

Огромную работу по изучению проблематики толкования права с позиции постклассической методологии юриспруденции проводит Ю. А. Гаврилова. Так, исследователь определяет

толкование права по объему как «особую разновидность познавательно-интерпретационной юридической деятельности, объектами которой выступают текст, смысл источников права и нормативно закреплённая („идеальная“) модель общественных отношений, а результатом этой деятельности после использования традиционных и специальных приемов является закрепление в интерпретационных актах их соотношения, верифицированного практикой, в виде буквального, расширительного или ограничительного толкования» [3, с. 6]. В процессе толкования нормы права традиционными способами возникает необходимость в ее конкретизации в случае, если обнаруживается расхождение между мыслью законодателя и ее текстуальным выражением в контексте развития и функционирования общественных отношений [3, с. 6].

Однако анализ работ Ю. А. Гавриловой не дает четкого представления, что такое конкретизация права и чем она отличается от толкования права. Так, ученый попыталась лишь определить конкретизацию как специально-юридическую деятельность, имеющую место как в правотворчестве, правоприменении, так и в интерпретации права [3, с. 3].

Следует отметить, что научная новизна теоретических разработок Ю. А. Гавриловой состоит в том, что в них исследуются вопросы толкования права с точки зрения знаково-семантической теории, в рамках которой знак представляется как единство слова, понятия и действительности. Это позволило исследователю выделить в качестве объектов изучения текст, смысл правовых норм и нормативно закреплённую («идеальную») модель общественных отношений, которые в ходе толкования права по объему имеют свою меру, соответственно поле текста, смысловое поле и пределы действия правовой нормы. Именно в наличии определенной меры соответствия между этими полями (пределами) состоит сущность толкования права по объему [3, с. 3].

В рамках изучения постклассической теории толкования права интерес представляет понятие (сущность) и конструкция смыслового поля права. Под смысловым полем правовой нормы Ю. А. Гаврилова предлагает понимать «меру распространения смысла и пределы действия правовой нормы. Оно характеризуется сложной структурой, включающей в себя смысловое ядро и смысловую периферию». Под смысловым ядром понимается содержательная доминанта правовой нормы, получившая обоснование и нормативно-понятийное закрепление в логической структуре правовой нормы. В свою очередь, «смысловая периферия нормы – это „подвижная“ часть смысла нормы, в которой раскрываются дополнительные оттенки этого смысла, в виде предметного, праксеологического (слоя актуализированной юридической практики), оценочного и символично-ассоциативного слоев» [3, с. 3].

Нетрудно заметить, что автор, вводя понятие смыслового поля и предлагая его структуру в виде статического и подвижного элемента, обосновывает необходимость и правомерность динамического подхода к толкованию права, а также обогащает методологию постклассической теории толкования права.

В отечественной юриспруденции также разрабатываются новейшие подходы к теории толкования права такими учеными, как В. Н. Бибило, А. В. Григорьев, Ю. С. Климович, Н. Ф. Ковкель, В. В. Марчук, В. И. Павлов, А. Л. Савенок и др. В частности, В. И. Павлов в контексте разрабатываемой им антропологической концепции права подходит к вопросу толкования права посредством обоснования онтологической структуры правовой нормы [9, 10]. Исследователь, признавая современные юридико-герменевтические представления о выделении знаково-текстуального и смыслового слоев правовой нормы, отмечает необходимость соблюдения баланса между правовым знаком и смыслом. «Полное перенесение нормы права – правила поведения – на антропологический уровень для антропологии права недопустимо, вместе с тем, – отмечает В. И. Павлов, – следует признать и такую же невозможность заключения правового смысла в тексте: „право не есть текст (в традиционном понимании), но без текста существование права невозможно“» [9, с. 217]. В этой связи для теории толкования права с позиции антрополого-правового подхода, по мнению В. И. Павлова, важно выделять и различать: а) знаково-текстуальное значение правовой нормы как традиционное документарное выражение правила поведения в нормативном правовом акте и б) смысловое значение нормы права как способ понимания правового текста, который знаково и проектно кодируется законодателем [9, с. 217]. Обосновывая такую структуру нормы права, допускается не только актуализация и модификация правового смысла в процессе толкования, но, если это позволяют границы знака (текста), и образование нового правового смысла [9, с. 217].

Аналогично А. В. Григорьев, обращаясь к вопросам толкования права, а именно к проблеме элементного состава правовой нормы как объекта толкования, допускает, что «в некоторых случаях правовые смыслы в антропологическом аспекте способны повлечь изменение смыслового значения правовой нормы» [4, с. 177].

Таким образом, приведенный анализ новых концепций правопонимания и формируемых в их рамках подходов к толкованию права порождает и новые вопросы в общей теории права.

Характеризуя современные тенденции в теории толкования права в связи с развитием постклассической юриспруденции, отметим, что переход от классики к постклассике нельзя назвать резким, неожиданным. Развитие постклассической методологии в праве представляет, по сути, развитие традиционного методологического инструментария правоведения. В качестве подтверждения данного тезиса можно привести, например, исследование вопросов толкования норм права А. Г. Манукяна, проведенного, как может показаться, в рамках классического правопонимания. Вместе с тем предложенное теоретиком права видовое многообразие толкования норм права подтверждает обратное.

Так, в диссертации исследователь отмечает, что иногда в праворегулирующей практике «порок нормы заключается в том, что слова законодателя выражают совершенно другую мысль, чем та, которую он намеревался вложить или должен был вложить в данную норму» [7, л. 110]. Подобная ситуация, по мнению А. Г. Манукяна, может являться следствием редакционных ошибок в тексте закона, смысловых просчетов законодателя либо существенных изменений характера общественных отношений, послуживших основанием нормы. Во всех этих случаях норма подвергается «исправляющему, или коррекционному толкованию» [7, л. 110]. При этом автор выделяет четыре вида коррекционного толкования, а именно: технико-коррекционное, рационально-коррекционное, легально-коррекционное и модернизационное коррекционное [7, л. 111]. При последнем, модернизационном коррекционном толковании, содержание правовой нормы предлагается приводить в соответствие иному смыслу согласно объективным условиям развития социальных отношений [7, л. 111]. В таком случае происходит отступление от первоначального замысла законодателя, фактически регулированию подвергаются иные общественные отношения, чем те, которые тот имел в виду при принятии норм права. Тем самым А. Г. Манукян обосновывает возможность создания новых правовых норм, в частности при использовании модернизационной разновидности исправляющего толкования. При этом исследователь говорит о создании юридических конструкций, легализирующихся через установление их соответствия «основной норме».

Очевидно, что обосновываемый исследователем подход к развитию теории толкования выходит за рамки традиционной объективистской теории толкования права и в очередной раз подтверждает необходимость использования в правоприменительной практике, требующей разрешения спора «здесь и сейчас», достижений постклассической правовой методологии применительно к толкованию права.

Вышеприведенный анализ современных подходов к толкованию права указывает на определенные общие черты, свойственные всем данным направлениям. Это признание как минимум факта творческого характера толкования норм права, вызванного, с одной стороны, невозможностью предусмотреть все бесконечное многообразие жизненных ситуаций, с другой – указанием на интуитивный, не поддающийся рационализации здравый смысл и «желаемое право» в качестве определяющего или руководящего в процессе интерпретации. Подобный вывод приводит теоретиков права к предположению о признании в процессе толкования права возможности создания (изменения) норм права, т. е. о признании правотворческого характера толкования либо, как это имеет место в вышеприведенной крайней позиции М. Тропера, включения процесса толкования права в структуру правоустановления. Возможность методологически непротиворечивого обоснования указанных положений дает постклассическая методология правопознания и толкования права, основанная на методологическом плюрализме и тесной взаимосвязи с реальной правореализационной практикой.

В заключение обратим внимание на те тенденции и направления развития теории толкования права, которые отмечают отдельные современные теоретики права в связи с постклассической методологией правовой науки. Так, Е. В. Тимошина, сопоставляя классическую объективистскую теорию толкования права и постклассическую методологию правотолковательной

деятельности, вполне обоснованно отмечает, что «классическая доктрина юридического толкования вполне предсказуемо демонстрировала автороцентричный подход: именно Автор – законодатель задает и формирует дискурс о законе. В рамках данного подхода смысл текста создается его Автором, этот „объективный“, независимый от интерпретатора, смысл рассматривается как принципиально познаваемый, результаты толкования могут быть истинными или ложными, а этическим условием познания смысла является доверие к Автору текста» [12, с. 34]. Однако развитие философии и методологии социогуманитарного знания во второй половине XX в. объективно создало ситуацию продолжающегося кризиса традиционных методов юридического толкования. Исследователь верно предупреждает о возникшем в связи с этим риске перейти к другой крайности – полному волюнтаризму интерпретатора в контексте правотолковательной деятельности [12, с. 34]. В современном западном правоведении, особенно в школе правового реализма, в связи с этим наблюдается опасная тенденция «освобождения интерпретатора от обязанности познания смысла текста и ответственности за „неправильную“ интерпретацию» [12, с. 36]. В качестве контрмеры Е. В. Тимошина предлагает вернуться к положению о первичности правового смысла, «вложенного» в норму законодателем, и обязать интерпретатора нести ответственность за его раскрытие [12, с. 40].

Соглашаясь с необходимостью учета рисков волюнтаризма в правотолковательной деятельности, тем не менее, отметим, что в современной юридической практике все же определенно существует проблема правовой интерпретации. Прежде всего она выражается в вопросе модифицирующего и нового нормативного смыслопорождения, в необходимости объяснить, почему в юридической практике возникают новые общеобязательные правила, каков их статус, как они соотносятся с нормами объективного права и т. д. Полагаем, что эти и смежные с ними вопросы требуют своего разрешения в рамках разработки современной теории правоинтерпретационной деятельности с использованием достижений классической и постклассической методологии правового познания.

Список использованных источников

1. Александров, А. С. Толковательное право? [Электронный ресурс] / А. С. Александров // Право как дискурс, текст и слово : первая интернет-конф., 15 дек. 2010 г. – 17 янв. 2011 г. / Сибир. асоц. лингвистов-экспертов. – Режим доступа: <https://siberia-expert.ucoz.ru/publ>. – Дата доступа: 25.09.2022.
2. Веденеев, Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм : монография / Ю. А. Веденеев. – М. : Проспект, 2022. – 328 с.
3. Гаврилова, Ю. А. Толкование права по объему : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю. А. Гаврилова ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2008. – 30 с.
4. Григорьев, А. В. Проблема элементного состава правовой нормы в теоретической юридической науке / А. В. Григорьев // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2020. – № 2. – С. 177–180.
5. Лазарев, В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн / В. В. Лазарев. – Журн. рос. права. – 2016. – № 8. – С. 15–28.
6. Лапаева, В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : монография / В. В. Лапаева. – М. : РАП, 2012. – 577 с.
7. Манукян, А. Г. Толкование норм права: виды, система, пределы действия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. Г. Манукян. – СПб., 2006. – 177 л.
8. Овчинников, А. И. Современная теория толкования права: классический и неклассический подходы / А. И. Овчинников, С. П. Овчинникова // Юрист-Правоведъ. – 2007. – № 1. – С. 102–110.
9. Павлов, В. И. Антропологическая концепция права и юридическая герменевтика: методологические параллели / В. И. Павлов // Парадигмы юридической герменевтики : монография / М. В. Ульмер [и др.] ; под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2017. – С. 207–218.
10. Павлов, В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В. И. Павлов. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 262 с.
11. Тимошина, Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления / Е. В. Тимошина // Постклассическая онтология права : монография / А. С. Александров [и др.] ; под общ. ред. И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2016. – С. 218–294.
12. Тимошина, Е. В. В поисках утраченного смысла: толкование права в ситуации «смерти Законодателя» / Е. В. Тимошина, В. Е. Кондуров // Вопр. философии. – 2022. – № 10. – С. 30–46.
13. Тропер, М. Реалистическая теория толкования / М. Тропер // Рос. юрид. журн. – 2006. – № 2. – С. 7–19.

14. Черданцев, А. Ф. Толкование советского права / А. Ф. Черданцев. – М. : Юрид. лит., 1979. – 168 с.

15. Яркова, Е. Н. История и методология юридической науки : учеб. пособие / Е. Н. Яркова. – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2012. – 463 с.

Дата поступления в редакцию: 05.10.2022

УДК 342.9

С. С. Касьянчик, кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника учебно-методического управления –
начальник отдела контроля качества образовательного процесса
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: kas.sergey@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БЕЛАРУСИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917–1991 гг.)

Проводится историко-правовой анализ юридического регулирования статуса сотрудника органов внутренних дел Беларуси в советский период.

Ключевые слова: сотрудник милиции, работник милиции, народная милиция, правовой статус сотрудника органов внутренних дел

S. S. Kasyanchyk, Candidate of juridical Sciences, Associate Professor,
Deputy Head of the Educational and Methodological Department –
Head of the Quality Control Department of the Educational Process
of the Academy of the Ministry Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: kas.sergey@mail.ru

LEGAL STATUS OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF BELARUS IN THE SOVIET PERIOD (1917–1991)

The article provides the historical and legal analysis of the legal regulation of the status of an internal affairs officer in the Soviet period.

Keywords: militia officer, militia workers, people's militia, the legal status of an internal affairs officer

Камнем преткновения в системе решения проблемы гармоничного регулирования отношений государственной власти и общества многие годы выступает вопрос об объемах предоставления сотрудникам органов внутренних дел (ОВД), как наиболее многочисленной категории должностных лиц и представителей власти, полномочий и гарантий реализации обязанностей и прав, допустимых при этом ограничениях, а также о мерах ответственности, которые в своей совокупности образуют их правовой статус.

Эффективное разрешение этого вопроса в контексте опосредованной им полемики о степени регламентации деятельности сотрудника (работника) милиции возможно на основе ретроспективного анализа формирования и развития его статуса. Этим аспектам в литературе уделено весьма незначительное внимание: при общей исследованности развития организационной структуры ОВД комплексный историко-правовой анализ развития правового статуса их сотрудника (работника) с позиций системного подхода по-прежнему отсутствует.

Несмотря на прошедшие десятилетия с момента распада Советского государства, дискуссии о правовом статусе сотрудника (работника) милиции советского периода, как и о статусе советской милиции в целом, по-прежнему не утихают: одни в нем видят титульный образец конструирования субъекта правоохранительной деятельности, другие рассматривают его как неприемлемый ныне рудимент исторического развития системы ОВД.

Однако незыблемо умозаключение, что именно советский период создал предпосылки для регламентации и сыграл ключевую роль в историческом развитии правового статуса сотрудника (работника) ОВД в том значении, в котором мы привыкли его понимать сегодня.